

«Окно в Париж» — возможно, лучшая комедия прошлого года. Но несмотря на то, что в ней масса оптимизма и море патриотизма, находятся люди, которые обвиняют режиссера в антирусской направленности картины. Юрий Мамин утверждает, что в тот момент ему хотелось ударить наотмашь по тем явлениям, которые он ненавидел. И как публицист хотел препятствовать им. Потом картина пролежала год. Но ведь кино это не ТВ и не журналистика. И не очень годится для одолевания публицистических целей.

смотреть его тем людям, которые туда не могут попасть. Это было сделано сознательно.

— А почему из всех кафе вы выбрали именно «Клозри де Лиля», любимое кафе Ленина?

— Владелец этого кафе — приятель нашего продюсера. И он дал согласие снимать бесплатно только за то, что мы его прорекламируем.

— Когда речь идет о комедиях, почему-то кажется, что смешно должно быть не только зрителям, но и всем, кто делал фильм. Были ли какие-нибудь казусы или, может быть, незапланированные

или хорошей уличной сцены, робко сняты панорамы, все заперто в интерьер. Очень статичные кадры.

— Может быть, французам нравится именно такое кино. Вы не показывали им картину?

— Для французской публики сделан другой вариант. Многое ведь для них не актуально. Там большой динамизм в фабуле. Субтитры. Но французы — одни из самых лучших зрителей, очень корректно относятся к фильмам. Они никогда не выйдут в середине фильма из зала, всегда досматривают до конца. И довольно добросовестно читают субтитры.

всеми особенностями кинозвезды: капризная, взбалмошная, но... очень преданная делу.

— Вы наверняка смотрели фильм «Стрелец неприянный» или «Иван Васильевич меняет профессию». Тот же сюжетный ход, что и у вас.

— Да, конечно, я знаю, что существует всего 33 сюжета в мировом искусстве. И куда от этого не денешься. Но именно эту идею продал Герман. Понятно, что ее не смогли воплотить в доперестроечное время. Но и после 86-го года за нее никто не брался.

...Когда ставишь задачи, то оказывается, что их не так

близк кассетной — 1994. — 22 1186. — с 4

ЮРИЙ МАМИН: ОСВАИВАЯ СВОЙ ПАТРИОТИЗМ

— Я делал эту картину с определенным чувством. Может, она и получилась злобной. Но вообще мне очень нравится фраза Толстого: «патриотизм — это последнее прибежище негодяя». В том смысле, что когда у негодяя нет других аргументов, он хватается за патриотизм.

Ломаются духовные тенденции. Люди становятся иностранцами в своей стране от одиночества, от безысходности. А для многих патриотизм, страна — это главное. Если так рассуждать, то Сталин становится не злодеем, а действительно выдающимся вождем. Но так могут рассуждать только люди очень недалекие, с узким сознанием. А если мы понимаем, что самые главные ценности это те, что объединяют людей, если человек сделал свой вклад в историю человечества, то совершенно никакого значения не имеет где, на какой земле он прожил. У нас всегда была страна «подражательная». Каждый новый государь приносил с собой новые костюмы, новый язык и т.д. И сегодня, когда мы понимаем, что эта «непричесанная» жизнь будет длиться долго, мы возвращаемся к таким ценностям, как семья, любовь, воспитание детей. И поэтому я считаю, что людям надо показывать их безысходность...

— Париж в вашем фильме показан не с самой лучшей своей стороны: заурядные магазины, неглавные улицы. Это все могло быть снято и не в Париже?

— Когда снималось кино, передо мной стояла задача, как снять Париж не таким, каким мы видим его ежедневно по ТВ. Как рас-

эпизоды во время съемок?

— Буквально этого не было. Потому что импровизировать на французской площадке возможности практически нет. Там все очень строго рассчитано по времени. Такого разгильдяйства, как у нас на площадке, нет.

— Как вы сработались с французскими коллегами? Как восприняла Петербург Изабель Юппер?

— Для съемочной группы эта работа была уникальна так же, как и для нас. Им очень понравилось. А Изабель испытала на себе все

просто сделать. Это должно вызреть, как беременность.

— А что теперь?
— Сейчас я работаю над новым фильмом. Ищу зарубежного продюсера. Я бы нашел лучше продюсера американского (они побогаче). Да и по сюжету

В центре над всеми — режиссер. Идет съемка эпизода в милиции, в камере предварительного заключения. Фото Валентина ГАЛКИНА.

Вообще это очень радостно. Я впервые за долгое время съемок понимал, что я занимаюсь непосредственно своей работой. Хотя была большая загруженность. Но это было не в тягост.

Зевак, конечно, было много. Но там случайный человек не может попасть в кадр. Даже за «массовку» платят приличные деньги. Я этому удивлялся. «А как же, — спрашиваю, — Годар со своим «Последним дыханием»? Да, говорят, он до сих пор по судам расплатиться не может за эту картину. Я им говорю: «Получается, что защищая интересы гражданина, ваши французские законы убили кино». Нет ни од-

ужасы жизни. Ее ощущения были параллельны тому, над чем мы работали. Это очень помогало в работе. И она из тех, кому это любопытно. Она даже в наш общественный туалет заглядывала. Однажды она выпила нашей воды, и на площадке у нее схватило живот. Потом в одной сцене, где она сидит в мусорном бачке, во двор вбежала блатная компания с ножами. Изабель сидела в бачке минут двадцать, стуча зубами от холода, а мы с ними разбирались... Один раз забыли подать с площадки машину, и она добиралась автобусом. Короче, испытала все, что свойственно нашей стране. Ну ничего. Она со

картина связана с американцами. Там два героя-американца. Идея — что можно сделать кино для разногворящих людей. С одной стороны — это и расчет, потому что сейчас что-то окупается только при участии иностранцев: техника, пленка и т.п. С другой стороны — возможность понять, что нас объединяет и разъединяет с представителями других культур, другого человечества. Это основные аспекты нашей жизни. И приходится решать проблемы такого свойства: мы тратим их деньги, мы едим их продукты. Но и свой патриотизм надо осваивать.

Н. Печурин